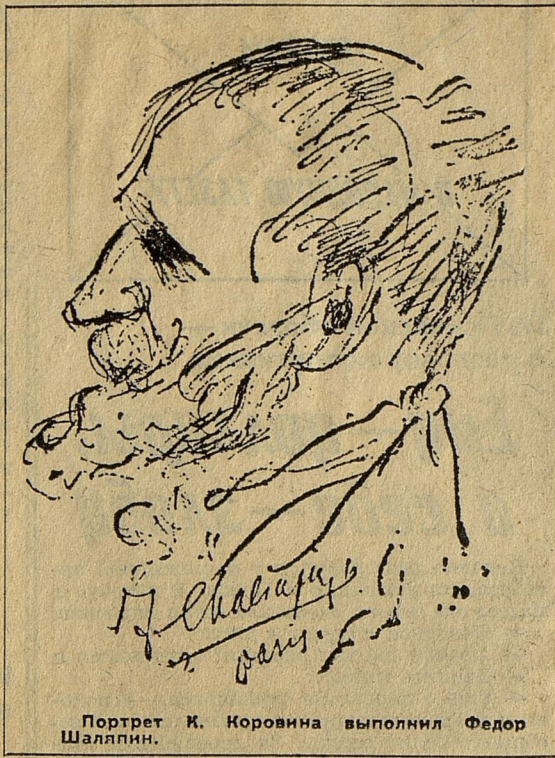

За страницами номера

Константин Коровин вспоминает...

Константин Алексеевич Коровин, замечательный русский живописец, ученик Поленова и Саврасова, друг Левитана и Шалаяпина, был разносторонне одаренным человеком. Помимо живописи, исполненной света, радости, жизни, он оставил ценнейшее жеманное и литературное наследство, в том числе серию небольших святочных рассказов, созвучных его удивительно русской по духу и краскам живописи. Предлагаем вашему вниманию один из таких рассказов. В России публикуется впервые.

Портрет К. Коровина выполнил Федор Шалаяпин.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

В деревенском моем доме, в углу, у старинной иконы Спаса Нерукотворного горит лампада.

Рядом — большое окно. За тюлевой занавеской — синяя ночь, темными силуэтами выделяются высокие ели. На небесах блестят звезды, и месяц ясный освещает лес, покрытый, как узорами, снегом. Глушь, тишина и мороз.

Снаружи у окна градусник замерз.

Мой слуга Ленка — он все делал несколько мимо, по случаю того, что ему нравилось встречать праздник в Москве, а тут, в деревне, не очень, — полил градусник горячей водой. Градусник лопнул, за что Василий Сергеевич назвал его лопухом чертом и лошадыо.

Приятель мой на реке, пробив лед ломом, ставили поставушки с насаженными на крючок кусочками рыбы и наловили кучу больших черных налимов, которые тут же, когда их вытаскивали из воды, замерзали, как камни.

Когда вернулись домой с реки, у всех приятелей моих уши были белые.

— Скорей! — кричали им Герасим, Феоклист и тегушка Афросинья. — Скорей наружу. Снегом, снегом...

И усердно снегом терли им уши.

— А то откошуются, без ухов останетесь...

Приятель выли. Особенно жалостно повизгивал Коля Курин, потому что он был столбовой дворянин и нежнее других.

В моем доме — праздник: лампадки, чистота, теплынь.

Хотя уши и здорово циплет, приятели греются у печки, а в печке окорок запекается в тесте, поросенок и гусь.

А в большой комнате на столе доктор Иван Иванович приготовляет наливку. Кладет в спирт сухую малину, чернику, замлянику, весеннюю мяту, жженный сахар. Наливки две четвертные бутылки — всех надо угощать, кто придет. В четверть вставлены воронки.

Постоянно переливая и процеживая, Иван Иванович добивается прозрачности. Процедит, попробует и говорит: — Еще мутна.

— Смотрите, а Ванька-то пьян, — говорит, смеясь, приятель Василий Сергеевич. — Напробовался...

— Ничего не пьян, — отвечает доктор Иван Иванович. — Конечно, я натошак... Я ведь до звезды-то не ем, так несколько, конечно, действует. А ты сделай-ка, приготовь полведра-то. Надо аромат найти. Того, другого при-

бавить. Тебе бы только зубы скалить, а я с утра с ней, с наливкой, мучаюсь...

На стол кладут большую скатерть.

Графины с настойками ставят посередине. Горячий окорок. Гусь с капустой. Поросенок с кашей. Из кухни — запах налимьей ухи с молоками.

Ждем гостей — лесничего, объездчика, охотника Казакова, возчика Патронова, рыбака Константина. Павла, которому отстрелили палец. Все настоящие люди, душевные и благородные.

Сам Павел Александрович взялся за приготовление матлота из налимов. Приходит и говорит:

— Вот какая история — мерзлых налимов положили в воду, а один ожил, плавает, как ни в чем не бывало. Я его не варю, потому свинство — в такой-то день. Пускай живет...

Павел Александрович идет с ведром к реке, пускает налима в прорубь и говорит:

— Живи себе.

Но с Колей Куриным опять неприятности. Во-первых, ухо распухло, а потом — насморк. Чихает. Доктор Иван Иванович говорит:

— Возьмите в верхнем ящике тюбик ментола, подавите в нос и потом потяните этот крем — он, как клей.

Коля послушно исполнил совет и вдруг стал отплевываться:

— Какая гадость!

— Ты что же это делаешь?! — спросил Василий Сергеевич, взглянув на тюбик, — ведь это синтетикон...

— Ну вот то-то, что скверно. Ведь это мне Ленка дал. Клей это.

— Что же это у вас делается, Константин Алексеевич? — возмутился доктор Иван Иванович. — Надо теперь теплой водой нос промывать. Подите к умывальнику и втягивайте в нос воду — клей разойдется. Выплывайте только, не глотайте.

— Какая все ерунда выходит! — досадливо поморщился Павел Александрович. — И ведь такой праздник!

Пришли гости, все в обнохах, чистые суконные наддевки, сапоги начищены. Головы припомажены. Все говорят:

— Ну и мороз. На Рождество всегда морозы. А там и крещенские.

Хорошие гости всегда начинают разговор с погоды:

— В такие-то морозы, ежели выпивши, опасно бывает в дороге — замерзнуть можно.

— Да ведь это кому как, — сказал охотник Казаков. — Вот у меня знакомый камчадал был, так ему наши морозы ни почем. Ему жарко. На нем кожа с вершок толщиной, рожа красная, жирный — чисто кубарь. У их, на Камчатке, мороз более ста градусов, Натс-ка.

— А зачем приезжал-то он с Камчатки? — спросили гости.

— В карты учиться приезжал, играть в тринку, в стуколку, в свои козыри, в дураки. Потому на Камчатке ночь длинная, камчадалы от тоски воют.

— Ко мне вот тоже, — сказал лесничий, — зимой, в волчью охоту, чиновник приезжал из Питера. Так вот чудно: любитель сосулек был. Вот что в мороз у крыш, у колодца. Наберет этих сосулек, макает в коньяк и сосет... Верное средство, говорит, от тоски и женских измен. Сосулька состоит из воды, из снега талого, а снег-то с небес идет. «Насосеешься, — говорит, — так все горе как рукой снимает».

Время к полночи. Садятся за стол. Закуска — маринированная щука в монастырском засоле и кочанная капуста.

Двенадцать часов.

Все встали и, обернувшись в угол, где горела лампада, спели: «Рождество Твое, Христос Боже наш». Вдруг во всю стену по бревнам дома раздался треск. Еще и еще...

— Ишь, — сказал рыбак Константин, — не нравится праздник-то нечистому. Ишь балует...

— Это мороз трещит. Здоровый! — сказал Герасим Дементьевич.

— Какой там мороз. Это он. Не нравится ему молитва-то...

— Ну с праздником, дай Бог! — чокались гости и чинно пили настойку.

— А вот в Иерусалиме-то, поди, теперь тепло, — сказал лесничий. — Поди, там насто-ек-то этих нету и браги тоже... Ни к чему. От холодов-то принимать не надоть. Там тепло.

— Нет, позвольте-с... — сказал Павел Александрович, — там всегда вино было. Там винограду сколько хочешь. Эта наука из Иерусалима идет — вино пить на праздниках. Если бы не они — мы бы и не пили...

Публикация
Игоря ХАБАРОВА.

Рассказ был опубликован в 1939 году в Париже.

Заметки об искусстве

● Реализм в живописи имеет нескончаемые глубины, но пусть не думают, что протокол есть художественное произведение.

● Напрасно думать, что живопись одному дается просто, без труда, а другому трудно. Вся суть в тайне дара, в характере и трудоспособности. То, на что обращает внимание сам автор, этому нельзя выучиться.

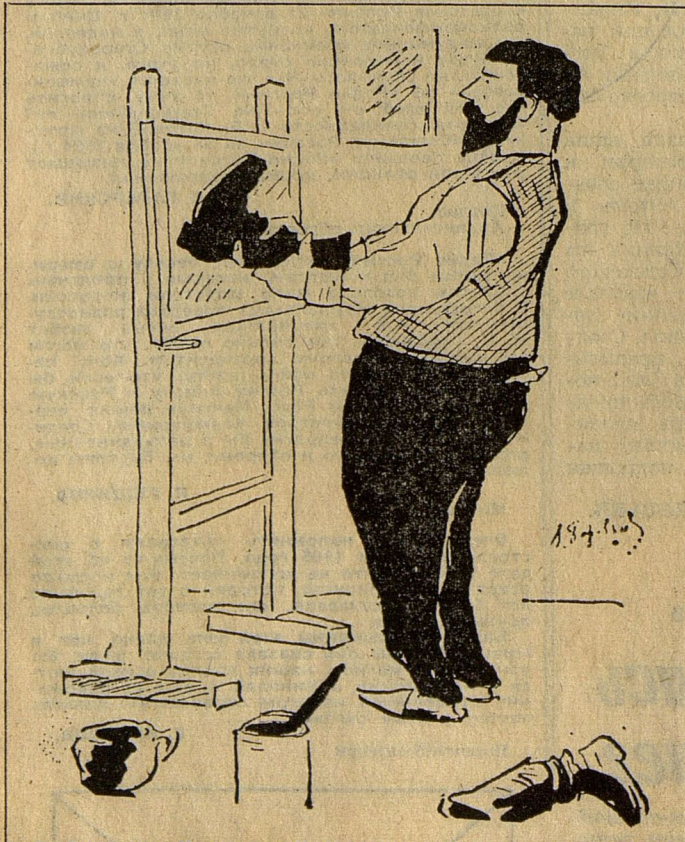
● Вол работает двадцать часов, но он не художник. Художник думает все время и работает час в достижение, а потому я хочу сказать, что одна работа не делает еще артиста. Разрешение задач, поставленных себе, как гимн радостный, увлечение красотой, — вот здесь, оно этих понятий, что-то есть... но не могу объяснить, как это сказать, не знаю.

● Нужно быть умно оригинальным — от сердца — в живописи.

● Мастерская — это спасение от мира подлости, зла и несправедливости.

● Нужно не только спонсировать натуру, нужно ее передать ловко, любя, недолго тратить время, сразу, просто рассказывать. Искусство должно быть легко — как Мазини спел, и готово, а не ной и выпихивая, но должна быть суть, суть передана.

● Работать надо, не насиловать свои знания, — свободнее, радостнее (посвежее), веселее, чувствуя красоту, погорячей, больше шутки, но поскорее, и дать рисунку «изловчиться к правде»...

В. Боровков. Художник К. Коровин пишет сапогом картину (1902 г.).